

УДК 17.177

О РИСКОГЕННЫХ КОММУНИКАЦИЯХ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Э.Ю. Майкова, Д.А. Цуркан

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Статья посвящена философскому осмыслению рискогенных трансформаций в цифровых коммуникациях. Реальная и виртуальная коммуникации сравниваются как подлинник и искаженная копия. Критерием такого сравнения выступают такие социоантропологические проблемы, как отчуждение, утрата биофилии.

Ключевые слова: онтология виртуальной коммуникации, риски виртуализованного бытия, отчуждение, утрата биофилии.

В современном мире доминирует общецивилизационный технократический дискурс, который убеждает нас, что мир сегодня есть мир технический, а технологии – это продукт взрывного развития техники. Позитивное значение техники в том, что она, понимаемая как система средств, позволяет решать многие цивилизационные проблемы и задачи. Негативным последствием технического развития предстает трансформация сознания, погружающая современного человека в виртуальные галлюцинации, иллюзии, миражи, игры, развлечения, празднество и т. д. [11, с. 17]. Одна из таких иллюзий – попытка подделать естественное начало человека с помощью современных НБИК-технологий (нано-, био-, информационные и когнитивные технологии), переложить на них ответственность за будущее человечества и жизненного мира. Человек – не робот и не интеллектуальная машина, его нельзя заменить вербализованным техническим инструментом в современном технократическом мире. Заменить «sapiens» на «homo» – значит редуцировать сознание с его подсознанием, сложнейшую психическую структуру, эмоции и чувства человека к его интеллекту. У машины нет образа и нет сознания. Предаваясь технократическим увлечениям, наподобие нейролингвистического программирования, выдавая биологическую активность мозга за психическую деятельность, мы признаем наш мир нечеловекомерным. Однако сегодня метафорой остается аналогия мозга и компьютера. Проблема появления идеального измерения на основе материального субстрата остается нерешенной. Яркой иллюстрацией этих умозаключений служат явления виртуализации и виртуальной коммуникации, которые обсуждаются сегодня в философском и социогуманитарном дискурсах. Здесь обращается внимание на различие виртуального мира и природной виртуальности человека, которая лежит в основе всех виртуальных технологий и их продуктов, влекущих множество опасностей и рисков экзистенциального, этического ракурсов. Так, современные тех-

нологии редактирования сознания, под воздействием которых человек теряет способность различать реальное и виртуальное, открывают возможность для обмана. Психологами доказывается амбивалентный характер воздействия цифровых технологий и искусственного интеллекта на психику человека. Педагогами выявлена проблема неготовности к переобучению для использования новых технологий. В цифровом мире социальной проблемой, требующей «акцентуированного» внимания, становится агрессия и имманентное ей насилие. Выявлена положительная корреляция между степенью агрессивности и объемом и скоростью переработки информации, что влечет появление искаженного образа или картины мира [8].

Как известно, коммуникация вместе с творчеством, искусством, образованием, культурой является модальностью социального бытия и определяющим способом существования человека. Однако в наступившую эпоху цифрового риска изменилась сущность коммуникации, ее формы и механизмы. Вместе с транзитом из фактической реальности в цифровую, симуляционную реальность появились риски утраты подлинного межличностного общения, дружеских отношений и в целом традиционно «определенных» социальных и личностных отношений. Такие характерные составляющие интернет-коммуникации, как квазисвобода в отсутствии авторитетов, обезличенность, анонимность, доверительная открытость, доступность, редуцируют коммуникационный этос к кочевническому и утилитаристскому стилю, стирают границы между нормой и девиацией во взаимоотношениях людей.

Говоря о современных высоких технологиях цифрового общества риска, соединяющих людей через виртуальную реальность в единую сеть, учитывая, что в коммуникации совпадает антропологическое, социальное и когнитивное «конституирование», важно не забывать об онтологии виртуальной коммуникации. Сошлемся на доводы Ф.И. Гиренка. Всякая реальность состоит из наличного и возможного. Виртуальная реальность им видится как реальность без наличного. Отсутствие наличного или его пустующее место заполняется возможным. По определению возможное есть будущее наличное в перспективе бесконечности. Достичь возможного можно лишь силой невозможного. Невозможное нельзя реализовать, в невозможном нельзя достичь фактического, но можно актуализировать. Посредством воображения создаются объекты актуализации. Их важно заставить существовать вне актуализации. Получается, что у возможного пустующее место наличного заполняется посредством симуляции. Ф.И. Гиренок поясняет: «Так появляется симулятивное расширение культуры, в результате которого на месте наличного появляются симулякры. Симулякр – это наличное без локализации в пространстве. Во всех этих случаях виртуализация реальности означает две вещи. Первое: она обеспечивает расширение реальности либо за счет симуляции невозможного, либо за счет имитации

реального. Второе: она сдвигает ум от принципов внешней реальности к принципам внутренней реальности. Тем самым ум оказывается гораздо ближе к безумию, чем это допускает принцип наблюдения за реальностью. Поскольку имитация не выходит за пределы реальности, постольку она является проблемой искусственного, проблемой техники. Симулякр – это не образ без подобия. Для того, чтобы был образ, нужно, чтобы был не оригинал, не предмет, а нужна, по словам Канта, трансцендентальная схема. Образ, у которого нет трансцендентальной схемы, это не образ. Это имидж, симулякр, то есть копия, которой не предшествует оригинал» [5, с. 91].

Кроме появления «акта» имитации реального при его виртуализации и риска «восхождения к безумию», можно сослаться на антропологическую опасность разрыва модальности «Я – Другой» в коммуникативном пространстве, тем более в виртуальном. Уже сама по себе реальная коммуникация допускает противостояние между самостью и Другим, когда при несамодостаточности «Я» не происходит встреча с самим собой и своей пустотой, тогда «Я» ищет смысл как универсальное самоосмысление (Э. Гуссерль) не внутри себя, а смысл, исходящий от Другого. Если монолог всегда осмыслен как обращенность к себе, то коммуникация как состояние «быть вместе» теряет осмысленность. Виртуальная коммуникация основана на еще большем смещении субъектности в сторону Другого, т. е. чьего-то порядка мыслей и действий. В виртуализированном бытии, построенном на иллюзиях, галлюцинациях, мнимости, обмене пустыми знаками, просматривается лишь скудный остаток человеческого существования и человека как существа самоценного, «бытие которого само по себе есть цель, он есть сущее для себя; остальное все – его обслуживающее» [7, с. 206].

Если разделять одно из «респектабельных» определений виртуальной коммуникации, как «форму общения между людьми, осуществляемую посредством информационных технологий на удаленных расстояниях, особенностями которой являются: глобальный характер, самоорганизующаяся сетевая форма, спонтанно формируемый разнородный контент, одновременное участие множества субъектов общения, безличность, возможность анонимного взаимодействия, сосуществование реальных межличностных связей и искусственных симулякровых (номинальных) отношений» [1, с. 97], то просматриваются ряд наличных социально-антропологических и психологических проблем, инициируемых этим социальным феноменом. Среди них – отчуждение, утрата биофилии.

Явление отчуждения, которое сопровождает человеческую жизнь, имеет эволюционное значение и онтологически укоренено защитными силами сознания человека делить мир на «своих» и «чужих». Социальным реалиям, как и социокультурной реальности, имманентен закон или правило «быть собой – значит не быть другим». Самоотжде-

ственность социума (его единиц) или культуры отталкивается от других социалий или культур. Интенсивность оппозиции «свои – чужие» указывает на качество самоидентификации социума или культуры [16]. В цифровую эпоху с помощью механизмов виртуальной коммуникации усиливаются интеграционные процессы в глобальный социум. Наблюдается дивергенция или расхождение всех людей в поиске «своих» и по установкам на доверие к «чужим». Такая демаркационная практика порождает «массы отчужденных людей», разобщенность общества, а радикалистские и фундаменталистские настроения становятся его дериватом. Это связано с тем, что в океане сообщений противоречивая и провокационная информация служит поводом для взращивания невротизма и невротического дискурса, который делит всех на «своих» и «чужих». При этом диалоговая коммуникация с ее проекцией на снятие всякого логоцентризма, как альтернативная точка зрения, исключается из пространства публичности.

Согласно К. Марксу, который анализировал отчуждение как феномен социально-экономической реальности, оно возникает, когда предмет, производимый трудом рабочего, «противостоит труду как некое чуждое существо, как сила, не зависящая от производителя» [10, с. 324]. В капиталистической формации рабочий рукотворно создает то, что он не может контролировать, то, что отнимает все его время, поглощает всю его жизненную энергию. Сегодня в социальной философии под отчуждением понимается объективный социальный процесс превращения самой человеческой деятельности и её продуктов в автономную и враждебную силу, которая подавляет человека. Многомерный и амбивалентный, объективный (опредмечивание результатов социального производства) и субъективный феномен отчуждения «воплощает беспрестанное установление пределов индивидуального развития, вызывает деградацию личности» [7, с. 149]. Виртуальная коммуникация активно влияет на субъективную составляющую отчуждения, которая предстает как личностное одиночество, тоска, отчаяние, недоверие, подозрение, анемия, апатия и т. п. [6].

Особенности субъективации отчуждения в условиях электронной культуры, виртуализации коммуникации определяются антиномичностью свободы и несвободы, глобальной коммуникации и одиночества, вовлеченности и эскапизма, сетевой объективации и предельного самовыражения. Так пишет исследователь цифровой культуры Л.В. Баева об особенностях бытия человека в пространстве электронной культуры, связанных с проявлениями информационной открытости и закрытости, виртуализации отношений с Другими, смещением восприятия реальности, времени, тела в условиях пространственной и темпоральной гетеротопии и электронной культуры мира. Подчеркивая симулятивность виртуальных коммуникаций, она утверждает, что «в условиях электронного бытия человек оказался в большей степени, чем рань-

ше, сосредоточен на собственном Я, поглощен своими переживаниями и ощущениями, воплощенными в цифровых медиа и текстовых формах. Это связано с целью создания образа цифрового своего Я и привлечения внимания других и таким образом трансценденции в мире виртуального взаимодействия. Электронное бытие создает условия для рефлексии и обмена смыслами, для преодоления границ пространства, времени и телесности, но эта свобода и возможности главным образом применяются утилитарно» [2, с. 31]. Такая рефлексия пересекается с пророческими высказываниями М. Хайдеггера по поводу наступления информационной эпохи, утраты сущности человека как понимания бытия, потери в связи с этим многих экзистенциальных характеристик человека. По словам философа, за технологиями и исчислением стоит следующее: «...как трудно сегодня позволить говорить самим феноменам, а не гоняться за информацией, особенностью которой как раз и является коренное блокирование доступа к *forma*, к образу (*Gestalt*), к тому, что свойственно бытию сущего. Информация делает взгляд неспособным видеть *forma*» [15, с. 102].

Можно утверждать, что симптомы отчуждения в цифровом мире демонстрируют экспансию как внешней, так и внутренней картины этой социальной болезни. Внешняя картина выглядит как нарастающее противоречие живого труда и автоматизированного, роботизированного, программированного производства, что инициирует такие проблемы, как нечеловекомерное насилие (принуждение), безработица, наличие свободного времени, праздность, гедонизм и т. д. Здесь появляется рефлексия о том, что в мире отчужденного труда основная работа перестает быть источником смысла, бессмысленность собственного существования влечет «психопатологию праздности» и «отчуждение досуга» [3]. Отчужденность, как внутреннее чувство, сопровождающееся ощущением чуждости и враждебности мира, в первую очередь подавляет творческую интенцию и самореализацию натурального или «естественного» человека. В виртуальной коммуникации традиционный стиль (или жанр) общения «Я – Другой» заменяется на иную их «позицию–диспозицию». Онтология взаимосвязи характеризуется непрерывностью виртуального диалога или, скорее, монолога, так как субъект-субъектные отношения строятся как доминирование «Я» с релевантной самопрезентацией, например, через «селфи» [12]. Здесь же появляются новые конфигурации самоидентичности и социальных идентификаций.

Малая часть приведенных аргументов о множатся коммуникционных социогуманитарных вызовах в цифровом мире даже не «намекает» на новый путь или технологию решения проблемы отчуждения. В этом мире не получается «подлинное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опред-

мечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом» [10, с. 344].

Кроме вышеназванных социальных проблем обращает на себя внимание вопрос утраты биофилии как модуса бытия в виртуальной коммуникации. Концепт «биофилия» восходит к работам Э. Фромма [14], который рассматривал его как личностный уровень бытия человека, как такое свойство личности, которое ориентировано на любовь к живому и нацелено на созидание. Мировоззренческая веровательная установка биофила – это любовь или забота о жизни, которая иррелевантна насилию, ненависти, разрушению [14, с. 462]. Последователи биофилии исповедуют все, что служит жизни как всеобщему, социальному, общественному, а не отдельному, каковой является личность. Их самосознание, «Я» несовместимо с тем, что характерно для цифрового человека: доминированием ценности «Я», экстремальным нарциссизмом, эскапизмом, номофобией, ксенофобией и др. [9, с. 212]. Сегодня, наряду с исследованиями выдающегося биолога-эволюциониста Э.О. Уилсона, концепт «биофилия» наполняется новым содержанием. Биофилия – это основа человеческого существования. Идея биофилии звучит как идея любви к жизни и тяготения ко всему живому. С позиций глубинной инвайроменталистской этики биофилия объясняется как «своеобразное и глубинное чувство сопричастности человека всему живому, практически неосознаваемые, но весьма властные пристрастия и предпочтения в безусловных актах выбора между одушевленным и неодушевленным, живым и неживым, какое-то особое, внутреннее, трепетное благоговение перед жизнью» [13, с. 10].

Как нам представляется, биофил не способен в иерархии ценностных интенций поставить на пьедестал ценность искусственного (цифровое, виртуальное, робототехническое и т. п.), а ступенью ниже – значимость и необходимость естественного (жизнь, живое, либидо и т. п.). Укоренено это в то, что называется понятием «качество». Согласно Г. Гегелю, «качество есть в первую очередь тождественная с бытием определённость, так что нечто перестает быть тем, что оно есть, когда оно теряет свое качество. Количество есть, напротив, внешняя бытию, безразличная для него определённость. Так, например, дом остается тем, что он есть, будет ли он больше или меньше, и красное остается красным, будет ли оно светлее или темнее. Третья ступень бытия, мера, есть единство первых двух, качественное количество» [4, с. 45].

Носитель качества «живого», прописанный в мире по происхождению, сути и существованию как «гуманитарный», био-психосоциальный человек, не может абсурдно «быть» для самого себя. Жизнь биофила конституируется на позитивной идентичности, позитивной оценке жизненного контекста, что предстает неотъемлемой составляющей субъективного благополучия или удовлетворенности своим существованием. Поэтому в границах современных феноменов здоровья и

качества жизни, связанного со здоровьем, биофил всегда будет демонстрировать высокие их показатели.

Список литературы

1. Баева Л.В. Виртуальная коммуникация: особенности и этические принципы // *Философские науки*. 2015. № 10. С. 95–110.
2. Баева Л.В. Теория экзистенциалов М. Хайдеггера и М. Босса и анализ существования человека в условиях электронной культуры // *Вопросы философии*. 2019. № 4. С. 24–33.
3. Вахштайн В., Маяцкий М. Случайный труд – принудительный досуг. Дискуссия // *Логос*. 2019. № 1. С. 1–26.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Учение о бытии // *Энциклопедия филос. наук: в 3 т. М.: Мысль, 1974. – Т. 1. 451 с.*
5. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018. 256 с.
6. Давыдов Д.А. Личность, свобода творчества и отчуждение // *Человек*. 2019. Т. 30, № 1. С. 45–65.
7. Ильин В.В. Философия: учебник. М.: Проспект, 2019. 480 с.
8. Лисенкова А.А. Философия агрессии в цифровую эпоху // *Философские науки*. 2017. № 6. С. 137–147.
9. Литинская Д.Г. Экзистенциальный эскапизм: новая проблема общества открытой информации. М.: Левь, 2013. 212 с.
10. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы*. М.: Академ. проект, 2010. С. 303–359.
11. Розин В.М. Психическое заболевание как тренд развития личности и состояния культуры. М.: ЛЕНАНД, 2018. 240 с.
12. Узланер Д. Под взглядом Другого: селфи сквозь призму лакановского психоанализа // *Логос*. 2016. Т. 26, № 6. С. 189–218.
13. Уилсон Э.О. Биофилия: Врожденная тяга к живому как связь человека с другими биологическими видами. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. 304 с.
14. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Минск, Попурри, 1999. 624 с.
15. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары / пер. с нем. И. Глухой. Вильнюс: ЕГУ, 2012. 406 с.
16. Шипилов А.В. «Свои» и «чужие» в динамике: Пример Рима. // *Человек*. 2017. № 3. С. 77–91.

ON RISKY COMMUNICATIONS IN DIGITAL SOCIETY

E.Y. Maykova, D.A. Tsurkan

Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to the philosophical understanding of the risk-related transformations in digital communications. Real and virtual communications

are compared as a script and a distorted copy. The criteria for such a comparison are such socio-anthropological problems as alienation, loss of biophilia.

Keywords: *ontology of virtual communication, risks of virtualized being, alienation, loss of biophilia.*

Об авторах:

МАЙКОВА Элеонора Юрьевна – д.филос.н., доцент, проректор по учебной работе, зав. кафедрой социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь. E-mail: maykova@yandex.ru

ЦУРКАН Денис Александрович – аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь. E-mail: pif1997@mail.ru

Authors information:

MAYKOVA Eleonora Yurievna –PhD, Associate professor, Vice-rector, Chair of the Dept. of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University, Tver. E-mail: maykova@yandex.ru

TSURKAN Denis Aleksandrovich – PhD student of the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail:: pif1997@mail.ru